

УДК 327 (262.81)

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

**ЖИЛЬЦОВ С.С.,
доктор
политических наук,
профессор,
заведующий
кафедры
политологии и
политической
философии
Дипломатической
академии
Министерства
иностраных
дел Российской
Федерации**

Геополитическая ситуация в Каспийском регионе претерпела кардинальные изменения. Наибольшее влияние на ситуацию в Каспийском регионе оказали вопросы, связанные с определением на многосторонней основе международно-правового статуса Каспийского моря, нарастающая милитаризация, которую осуществляют прикаспийские страны, а также проблемы экологии. Однако ключевое влияние на современную геополитическую ситуацию в Каспийском регионе и его роль в мировой политике оказывают углеводородные ресурсы. Прежде всего, вопросы, связанные с уровнем их добычи в прикаспийских странах и путями транспортировки на внешние рынки.

Добыча и транспортировка углеводородного сырья на Каспии приняли глобальный характер. Появление на мировом энергетическом рынке дополнительных объемов каспийских нефти и газа сохраняют высокий накал геополитического соперничества, которое продолжится на каспийских просторах в ближайшие десятилетия. Тем более, что ожидания дополнительных объемов углеводородов тесно связано с дальнейшими планами по реализации трубопроводных проектов. Соответственно, в переоценке нуждаются геополитические стратегии новых прикаспийских государств, для которых энергетический фактор стал доминирующим в формировании внешней политики, а также политика внерегиональных «игроков» на Каспии.

Ключевые слова: Каспийский регион, Каспийское море, мировая политика, прикаспийские государства, углеводородные ресурсы, международно-правовой статус.

Введение

За время, которое прошло с момента распада СССР и появления на берегах Каспия новых незави-

симых государств, все участники геополитической «игры» в целом добились определенных успехов. Произошло увеличение добычи нефти и газа, были построены новые экспортные трубопроводы, которые обеспечили каспийским углеводородам выход на внешний рынок. Энергетический фактор способствовал диверсификации прикаспийскими странами внешнеполитических контактов. Освоение месторождений позволило странам региона стабилизировать свои экономики и добиться политической стабильности¹.

Прикаспийские страны сумели использовать повышенный интерес западных нефтегазовых компаний для решения внутри- и внешнеполитических задач. Для Азербайджана, Казахстана и Туркменистана углеводороды стали ключевым элементом экономического развития. Не случайно, удельный вес топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в общем объеме промышленного производства в этих странах постоянно повышался. Соответственно, прикаспийские страны были заинтересованы в завышении данных по запасам, что способствовало привлечению в разработку месторождений нефтегазового капитала и положительно сказывалось на их экономическом развитии².

Вопросы добычи и транспортировки углеводородных ресурсов на внешние рынки сразу же оказались в центре внимания прикаспийских стран и внерегиональных государств. Страны-соседи и крупные мировые державы в разных формах и любыми способами стремились подключиться к проектам разведки, освоения и экспорта нефти и газа Центрально-азиатского и Каспийского региона³.

Сложности с добычей углеводородного сырья на Каспии привели к многократному пересмотру прогнозных показателей. Более того, страны региона столкнулись с необходимостью разработки новых технологий добычи, без которых невозможно получить доступ к запасам нефти и газа и нарастить их добычу. Наибольший интерес вызывают новые месторождения с промышленными запасами, которые могут обеспечить экономически эффективную добычу.

Западные страны, для которых в период Советского Союза Каспийский регион был недостижим, добились усиления своего геополитического влияния. Их роль оказалась основной в принятии решений о разработке месторождений нефти и газа и реализации новых трубопроводных проектов. В то же время, для западных стран нефть и газ Каспия выступали в первую очередь в качестве ин-

струмента внешнеполитической стратегии, а уже затем – в качестве альтернативного, но не основного в ближайшие десятилетия источника энергии. Для них нефть и газ Каспия были лишь теми «блоками», которые еще только предстояло распробовать⁴. Соответственно, ключевой задачей для них являлось получение надежного доступа к каспийским месторождениям и обеспечение надежного экспорта на внешние рынки добываемых на них дополнительных объемов нефти и газа. Подобные различия привели к тому, что нефтяные и газовые запасы изначально занимали разное место в политике прикаспийских государств и западных стран.

С увеличением объемов добычи углеводородного сырья Азербайджан, Казахстан и Туркменистан связывали и связывают надежды на экономическое развитие. Подобные ожидания спровоцировали появление прогнозов, в которых утверждалось, что уже спустя десятилетие добыча и экспорт углеводородов на внешний рынок должны были многократно возрасти, и в перспективе вывести страны Каспийского региона в число мировых лидеров по уровню добычи нефти и газа. Более того, по запасам нефти и газа Каспийский регион сравнивали с Персидским заливом и Северным морем. Это порождало различные мифы, которые определяли Каспий в качестве альтернативы существующих центров мировой добычи.

«Игра» на повышение запасов и прогнозные оценки добычи уже не раз выступали в качестве инструмента внешней политики прикаспийских государств. От этого зависят объемы иностранных инвестиций, ход переговоров по трубопроводным проектам, что напрямую затрагивает вопросы социально-политической стабильности в прикаспийских странах и сохранения власти политическими элитами. Этим объясняется тот факт, что прикаспийские страны фактически регулярно пересматривают оценки своих запасов в сторону повышения.

Вместе с тем, проблемы, с которыми столкнулись прикаспийские страны, и динамика добычи на каспийских месторождениях не позволяют рассматривать регион в качестве альтернативы основным районам добычи углеводородных ресурсов. Придание каспийским углеводородам глобального значения вызвало много вопросов. Многие эксперты отмечали, что углеводородные ресурсы Каспия велики. Однако отмечали, что Каспий все же не Персидский залив, и претендовать на роль полноценного альтернативного источника для мирово-

го нефтяного рынка он вряд ли может⁵. При этом расчеты российских экспертов, опровергавших данные о наличии огромных запасов углеводородного сырья на месторождениях Каспийского моря, не учитывались.

Несмотря на все спорность и неоднозначность декларируемых запасов углеводородного сырья, прикаспийские страны старались использовать этот фактор в целях укрепления собственной независимости и решения социально-экономических вопросов⁶. В результате, в условиях разворачивающейся геополитической борьбы прикаспийские страны и западные государства намеренно игнорировали данные о наличии на Каспии более скромных запасов углеводородного сырья. Кроме того, вне рассмотрения оставались трудности, которые их поджидали на пути к нефти и газу. Этим можно объяснить тот факт, что достигнув к началу XXI века определенного уровня добычи, прикаспийские страны столкнулись с проблемами технического и технологического порядка.

Заявления о наличии фантастических запасов нефти и газа на Каспии подтолкнули прикаспийские страны, не дожидаясь решения по международно-правовому статусу Каспийского моря и подтверждения данных, полученных в результате проведения геологоразведки, начать их освоение. Позже к проблемам добычи углеводородных ресурсов добавились вопросы создания новой трубопроводной инфраструктуры, необходимой для экспорта нефти и газа на внешние рынки.

Манипуляции с данными по запасам Каспийского региона стали возможны в силу недостаточной геологической изученности каспийских месторождений. Кроме того, оценки добычи и прогнозы экспорта углеводородного сырья не учитывали многих объективных трудностей, которые должны были преодолеть прикаспийские страны и международные консорциумы, занятые разработкой месторождений⁷.

Завышенные оценки запасов нефти и газа на каспийских месторождениях порождали необоснованные прогнозы относительно уровня их добычи. Более того, на основании публикуемых данных прикаспийские страны выстраивали внешнеполитическую стратегию, рассчитывая стать новыми центрами поставок углеводородных ресурсов.

К проблемам добычи углеводородных ресурсов добавились вопросы создания инфраструктуры, необходимой для их транспортировки на внешние рынки. Исходя из ожиданий стремительного нара-

щивания добычи, новые прикаспийские государства стали искать пути снижения зависимости от трубопроводного доминирования России. Диверсификация трубопроводных маршрутов стала ключевой задачей прикаспийских государств, которые рассматривали нефть и газ через призму утверждения независимости и укрепления отношений с западными странами. Отсюда и смещение акцентов во внешней политике в сторону углеводородных ресурсов, которые на многие годы вперед определили характер отношений с Россией и западными странами⁸.

За прошедшие два десятилетия Каспийский регион пополнился несколькими новыми экспортными трубопроводами. Были построены нефтепровод Баку – Джейхан, газопровод Баку – Эрзерум, проложены трубопроводы в направлении Китая и Ирана. Они оказали серьезное воздействие на геополитическую ситуацию в Каспийском регионе.

Повышенное внимание к углеводородным ресурсам Каспия в первом десятилетии XXI века основывалось на информации об истощении запасов на месторождениях в Северном море, а также подогревалось конфронтацией Запада с Ираном, который был исключен из обсуждения и реализации многих проектов по добыче и транспортировке нефти и газа.

Трансформация международных отношений, новые прогнозы добычи нефти и газа в основных ресурсных регионах мира заставляют пересматривать роль и перспективы углеводородных ресурсов Каспия. Значение каспийских углеводородов состоит в том, что на ближайшую перспективу они не могут рассматриваться в качестве потенциального мирового резерва, оставаясь фактором при решении региональных энергетических проблем.

Снижение зависимости от России в области экспорта углеводородного сырья не оказало заметного влияния на формирования энергетической политики прикаспийских стран. Более того, страны региона оказались зажаты интересами западных государств и нефтегазовых компаний, которые ограничили их возможность самостоятельно определять стратегию энергетического развития. Углеводородные ресурсы прикаспийских государств оказались «разобранными» наиболее сильными игроками. ЕС, Россия и Китай соперничают между собой в стремлении усилить контроль над каспийскими месторождениями и направлениями их экспорта. Роль западных и китайских нефтегазовых компаний, которые опираются на политическую

поддержку своих государственных структур, остается высокой.

Китайская волна

Китай формировал приоритеты внешней политики в отношении Каспийского региона постепенно. Энергетической экспансии Пекина предшествовала активная торгово-экономическая политика, результаты которой создавали предпосылки для внешнеполитической переориентации стран региона. Так, Китай вплотную приблизился к тому, чтобы занять лидирующие позиции по объемам торговли с Таджикистаном и Киргизией.

По мере усиления потребности китайской экономики в углеводородных ресурсах, возрастала заинтересованность Пекина в расширении доступа к нефти и газу стран Каспийского региона. Китай имел долгосрочные стратегические интересы к газовым ресурсам стран региона⁹.

Китайская сторона проявляла настойчивость в приобретении в собственность углеводородных месторождений, а также мощностей для их переработки. Серьезных успехов Китай добился в организации поставок оборудования, предоставления сервисных услуг, а в последнее время и осуществления бурения.

Китай последовательно наращивал свою долю в энергетическом секторе стран Каспийского региона. Данная политика отражала геополитические устремления Пекина и возрастающие потребности китайской экономики в дополнительных объемах углеводородного сырья. По разным оценкам присутствие Китая в энергетике Казахстана уже превысило 25%. Добиться подобных успехов Китай смог за счет последовательной внешней политики, которая подкреплялась значительными финансовыми средствами.

До последнего времени Китай в основном расширял свое присутствие на старых месторождениях, которые прошли пик своей добычи. Однако в последние годы Пекин изменил свою энергетическую стратегию, добиваясь доступа к новым нефтегазовым месторождениям Каспийского региона. За счет их разработки Китай рассчитывает реализовать перспективные планы, увеличив поставки углеводородного сырья. Прежде всего, речь идет о получении доступа к шельфовым проектам Казахстана. Отражением возрастающего внимания Китая к каспийским ресурсам стало приобретение Пекином за 5 млрд. долларов доли в нефтегазовом месторождении «Кашаган» (Казахстан), расположенном на шельфе Каспийского моря. Помимо

этого КНР обязалась вложить еще больший объем средств в осуществление инфраструктурных проектов.

Большое внимание Китай уделяет Казахстану, углеводородные ресурсы которого давно находятся в фокусе внимания Пекина. В ходе визита председателя КНР в Казахстан в сентябре 2013 года, китайская сторона подкрепила свои устремления соглашениями на сумму в 30 млрд. долларов. В соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, подписанной лидерами двух стран стороны договорились углублять взаимодействие, и в первую очередь, в сфере энергетики. Пекин заявил о готовности продолжить участие в энергетических проектах. Прежде всего, в разработке новых месторождений, эксплуатация которых обеспечит увеличение добычи нефти и газа.

Мощным аргументом Пекина в продвижении своих интересов стали дешевые кредиты, а также готовность нести дополнительные затраты, прежде всего, связанные с развитием инфраструктуры стран Каспийского региона. Только в последние годы Казахстан получил порядка 20 млрд. долл. в виде кредитов для осуществления энергетических проектов.

Активное кредитование экономик стран Каспийского региона и приобретение активов в нефтегазовом секторе стран региона позволило Китаю добиться снижения цен на углеводородные ресурсы. Это не только усилило геополитические позиции Пекина, но и позволило вести торг с Россией по вопросам цены на российские углеводороды.

Важным элементом энергетической политики стали трубопроводы, предложенные и реализованные Пекином для поставок углеводородных ресурсов в китайском направлении. Они должны обеспечить надежные поставки углеводородов в Китай. Пекин рассчитывает установить контроль над природными ресурсами стран Каспийского региона с целью их последующего интенсивного использования. Исходя из этого, Пекин наращивает усилия по формированию в регионе новой трубопроводной инфраструктуры. Так, в сентябре 2013 года Китай выделил новый кредит на строительство новой ветки газопровода из Туркменистана. Он направлен на дальнейшее расширение его присутствия в энергетическом секторе стран региона. Данный трубопровод закрепляет поставку газовых ресурсов в китайском направлении. Первая ветка туркменско-китайского газопровода была сдана в эксплуатацию в 2009 году, запуск третьей состоял-

ся в 2014 году. При этом четвертую «нитку» в марте 2017 года отложили на неопределенное время. В результате, мощность трубопровода Туркменистан – Китай составляет 55 млрд. м³.

Пересечение интеграционных стратегий

Помимо расширения энергетического сотрудничества со странами Каспийского региона Пекин активно использовал потенциал многостороннего экономического взаимодействия. В последнее десятилетие Китай воспользовался Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). До последнего времени считалось, что интересы России и Китая на Каспии и в Центральной Азии совпадают¹⁰. Так, в политике России в рамках ШОС превалировала идея расширения взаимодействия по вопросам региональной безопасности и создания механизма многостороннего сотрудничества в борьбе с терроризмом. Кроме того, на начальном этапе развития организации, в России популярной была идея совместного противодействия проникновению в регион США.

Пекин активно поддерживал российские инициативы в решении данных проблем и одновременно, в рамках ШОС, проводил собственную политику, мало считаясь с интересами России. Так, российско-китайское энергетическое сотрудничество, которое в Москве рассматривали в качестве альтернативы европейскому направлению экспорта нефти и газа, за многие годы не вышло за рамки обсуждения. Более того, в условиях получения Пекином доступа к углеводородам прикаспийских стран и отсутствия у Москвы рычагов воздействия на страны региона, значение и привлекательность российско-китайского энергетического сотрудничества для Китая снизилось. В итоге Пекин получил возможность добиваться от Москвы значительных уступок в вопросах цены на энергоресурсы и, в тоже время, через освоение углеводородных ресурсов в странах региона и строительство новых трубопроводов в направлении Китая расширить энергетическое сотрудничество с Туркменистаном и Казахстаном.

Политика Китая в Центральной Азии и на Каспии изначально была направлена на изменение соотношения сил в регионе. Пекин, для которого ресурсы Каспия представляли ключевое значение в вопросах политического сотрудничества и энергетической безопасности, был не заинтересован в усилении влияния России. Впрочем, Пекин не был заинтересован и в усилении влияния ЕС, который предлагал прикаспийским странам участвовать в

новых трубопроводных проектах. Их реализация не отвечает интересам Пекина, который стремится замкнуть на себя все углеводородные ресурсы, расположенных на территориях, раскинувшихся на восточном побережье Каспия.

Участие в ШОС позволило Пекину практически беспрепятственно осуществлять торгово-экономическую экспансию в прикаспийские страны, что облегчило доступ к их энергетическим ресурсам. По мере укрепления позиций Пекина, менялись акценты китайской политики. Вопросы регионального сотрудничества, в том числе и в сфере энергетики, стали отходить на второй план, уступая место усилиям, направленным на дальнейшее изменение баланса сил в регионе. Получение надежного доступа к месторождениям нефти и газа наряду с реализацией инфраструктурных проектов стали одной из приоритетных задач китайской политики на евразийском пространстве.

В этом контексте планы России по созданию Евразийского экономического союза противоречат долгосрочным интересам Китая. Тем более, что в рамках данного интеграционного проекта Россия преследует цели, которые не ограничиваются развитием экономических связей и расширением энергетического сотрудничества. Речь идет о сохранении Россией своего влияния в Центральной Азии и в Каспийском регионе.

Настойчивые усилия России по созданию Евразийского экономического союза подтолкнули Пекин к расширению энергетического сотрудничества с прикаспийскими странами и, прежде всего, с Казахстаном. Через экономическое сотрудничество и активное участие в разработке углеводородных месторождений Китай стремится влиять на позиции Астаны, склоняя казахстанское руководство к пересмотру внешнеполитических приоритетов. В реализации своей политики Пекин заинтересован использовать трудности, с которыми сталкиваются страны Таможенного союза.

Несовпадение геополитических интересов и заинтересованность в получении надежного доступа к сырьевым ресурсам стран Каспийского региона усилило конкуренцию между Россией и Китаем. По мере развития интеграционных проектов их подходы могут расходиться. Тем более, что Китай заинтересован адаптировать ШОС под свои интересы, сместив акценты в деятельности данной организации: от вопросов региональной безопасности в сторону расширения экономического и энергетического сотрудничества. Исходя из этого,

Китай предлагает проекты, которых должны обеспечить ему в регионе лидирующие позиции. Речь идет о создании в рамках ШОС Зоны свободной торговли, которую Пекин продвигает не первый год. В тоже время, как отмечают китайские эксперты, прохладное отношение России к развитию многостороннего экономического сотрудничества в рамках ШОС является одной из основных причин на пути формирования зоны свободной торговли в рамках этой организации¹¹.

Период развития постсоветского пространства, при котором, российские интеграционные проекты сталкивались только с политическим неприятием, уходит в прошлое. Китай открыто и недвусмысленно дает понять, что для установления полного контроля над странами Каспийского региона и Центральной Азии готов пойти на значительные экономические затраты. Соответственно, в последние годы все большую роль в энергетической сфере прикаспийских стран играет Китай, который последовательно наращивал свое присутствие в нефтегазовом комплексе стран региона.

Энергетическая стратегия Китая носит многоплановый характер и рассчитана на долгосрочную перспективу. С одной стороны, интерес китайской стороны к казахским активам вызван перспективными планами по диверсификации источников получения углеводородного сырья. Агрессивная политика по покупке активов направлена на то, чтобы любыми путями расширить свое присутствие в нефтегазовой отрасли прикаспийских стран. Кроме того, Китай в отличие от других иностранных инвесторов создает совместные предприятия, что отвечает интересам прикаспийских стран, которые стремятся извлечь выгоды из усиления противостояния между ведущими державами мира, обеспечить диверсификацию поставок энергетических ресурсов и создать политический противовес российской политике и амбициям США.

Интерес Китая к топливно-энергетической отрасли Казахстана и Туркменистана вызван той огромной ролью, которую она играет в их экономике. Контроль над добычей и экспортом ресурсов рассматривается Пекином в качестве ключа к усилению влияния на политику прикаспийских стран. Китай последовательно идет к этой цели, подтверждением чего является ежегодно усиливающееся присутствие Китая в нефтегазовом секторе. И хотя пока Китай в процентном соотношении занимает не первые позиции присутствия в нефтегазовом секторе стран региона, продолжение взя-

того им курса позволит уже в недалеком будущем выйти в лидеры. В этом контексте понятно внимание Китая к Казахстану и Туркменистану, как наиболее перспективным странам, способным удовлетворить потребности китайской экономики. По этой причине ключевой задачей Китая станет продолжение политики, направленной на приобретение наиболее привлекательных объектов нефтегазового комплекса стран Каспийского региона. Соответственно, политика Китая будет нацелена на создание условий, при которых страны Центральной Азии, к которым относятся прикаспийские государства Казахстан и Туркменистана, будут более тесно вовлечены в китайскую сферу влияния¹².

Помимо энергетических вопросов, укрепление позиций Китая в Казахстане и Туркменистане направлено на решение геополитических задач. Политика США и ЕС в регионе вызывает беспокойство в Китае, который выступает против расширения присутствия западных стран. Китай заинтересован потеснить Россию, отобрав у нее роль эксклюзивного поставщика энергетических ресурсов из стран региона. С учетом растущих appetites Китая конкуренция между китайскими, западными и российскими компаниями, работающими в нефтегазовом секторе Казахстана и Туркменистана, будет нарастать. Тем более что во всех новых приобретениях Пекин готов идти на уступки странам региона в создании новых нефтегазовых, транспортных и инфраструктурных проектов.

Стратегия США на Каспии

Каспийский регион оказался в фокусе внимания внерегиональных государств с момента распада СССР. Наиболее активно в регионе действовали США, страны ЕС и Китай, которые не «номинально» претендовали на лидирующие позиции на Каспии, прежде всего, в энергетической сфере.

Огромный интерес проявляли американские и европейские нефтегазовые компании, которые устремились к углеводородным месторождениям. Наибольшее внимание было приковано к Туркменистану, располагающему значительными запасами газа, и Казахстану, обладающему крупнейшими нефтяными месторождениями. Кроме того, повышенное внимание уделялось Азербайджану, чьи углеводородные ресурсы также привлекали нефтегазовые компании.

Многочисленные международные консорциумы, созданные для добычи углеводородного сырья, спешили застолбить место на потенциально богатых нефтью и газом месторождениях. Про-

никовению в регион западных нефтегазовых компаний способствовала энергетическая политика новых прикаспийских стран, которые были заинтересованы в западном нефтегазовом капитале. С его помощью они рассчитывали провести разведку углеводородных месторождений, а в перспективе осуществлять добычу и экспорт нефти и газа на внешние рынки. По крайней мере, на первом этапе инвестиции нефтегазовых компаний сыграли ключевую роль в освоении каспийских месторождений углеводородных ресурсов.

На государственном уровне Каспийский регион стал для США одним из ключевых направлений внешней политики. Вашингтон оказывал политическую поддержку странам региона, прежде всего, в вопросах добычи и транспортировки углеводородных ресурсов. В качестве главной задачи Запад видел переориентацию нефтегазовых потоков стран региона в европейском направлении с целью уменьшения их зависимости от России¹³.

Интерес США к Каспийскому региону в большей степени определяется геополитическими интересами, которые за последние десятилетия частично были реализованы через новые трубопроводные проекты. Примером проявления интереса к энергетическим проблемам региона являлась политическая поддержка американской администрации Транскаспийского газопровода, которому США уделяют значительное внимание.

Задачи политики США в Каспийской зоне включали укрепление государственности и независимости стран региона, идущих по пути развития рыночной экономики, ослабление их связей с Россией; расширение коммерческих возможностей для США, создание условий для закрепления здесь своего частного капитала; содействие разрешению региональных конфликтов, в том числе путем создания политических, экономических и военных связей между новыми государствами региона. Большое внимание уделялось созданию спецподразделений и сил охраны энергетических транспортных коммуникаций и укреплению энергетической независимости США за счет каспийских энергоносителей, а также снижение зависимости государств региона от России за счет обеспечения гарантированного потока каспийской нефти и природного газа на мировые рынки. Один из ключевых элементов политики США на Каспии заключался в том, чтобы сохранить за собой возможность контролировать пути транспортировки углеводородов на мировые рынки.

Основные цели администрации Б. Обамы¹⁴ в отношении Каспийского региона и его углеводородных ресурсов практически не изменились по сравнению с 1990-ми годами. Американский президент предпочел двигаться прежним курсом, в рамках политики, положения которой были сформулированы еще при Б. Клинтоне и Дж. Буше-младшем. В целом президент США Б. Обама ничем своего интереса к Каспию не обозначил¹⁵. Политика США на Каспии сохраняет свою преемственность при Д.Трампе. Меняются американские президенты, но цели американской политики, сформулированные почти два десятилетия назад в отношении Каспийского региона, практически не претерпели изменений.

ЕС расширяет присутствие на Каспии

В последние несколько лет наблюдается передача «ответственности» в области реализации трубопроводных проектов европейским странам, которые при политической поддержке США выдвинулись на первые роли. Стратегия ЕС на Каспии формировалась постепенно и на первых порах не отличалась динамизмом. Лишь в конце 90-х годов, когда было объявлено о наличии на Каспии значительных запасов нефти и газа, политика ЕС стала обретать более четкие очертания. В реализации геополитических интересов ЕС во многом заимствовал стратегию США, для которых ключевым элементом политики в Каспийском регионе выступали трубопроводы.

Амбициозные планы ЕС по диверсификации маршрутов экспорта газа из Каспийского региона в европейские страны столкнулись с серьезными трудностями. Идея создания альтернативных газопроводов, провозглашенная ЕС в качестве ключевой задачи по снижению зависимости от поставок российского газа, превратилась в самоцель и оказалась чрезмерно политизированной. В результате внешнеполитические интересы прикаспийских и европейских государств, а так же объективно существующие проблемы, связанные с добычей и транспортировкой углеводородного сырья, были Брюсселем проигнорированы.

Тем не менее, ЕС предложил к реализации проект газопровода «Nabucco», который предполагалось проложить из Азербайджана в Австрию и Германию. С 2002 года данный проект выступал флагманом европейской энергетической политики в Каспийском регионе. Однако отсутствие свободных объемов газа у Азербайджана, который рассматривался в качестве основного источника

наполнения европейского трубопровода и неготовность Туркменистана участвовать в сомнительном, с экономической точки зрения, проекте, который к тому же вызывал определенную политическую аллергию в Пекине, сделали реализацию «Nabucco» бесперспективным. В результате на рубеже 2012-2013 годов ЕС был вынужден пересмотреть свою политику, переходя от глобальных трубопроводных проектов к менее масштабным. В 2012 году ЕС был предложен укороченный проект газопровода – «Nabucco West», который должен начинаться от турецко-болгарской границы и протянуться до Австрии, пройдя по территории Болгарии, Румынии и Венгрии. Впрочем, он столкнулся с теми же трудностями, что и «Nabucco»: отсутствием свободных объемов газа.

Причины неудачи европейской трубопроводной политики обусловлены объективными причинами, которые не имеют ничего общего с политикой. Прежде всего, стоит отметить тот факт, что разрабатываемые в каспийских странах месторождения пока не могут предоставить для новых трубопроводов необходимые объемы углеводородных ресурсов. Другой причиной провала энергетической политики Брюсселя на Каспии стало отсутствие в самом ЕС единой позиции. Вовлеченные в переговорный процесс относительно новых проектов трубопроводов прикаспийские страны и европейские государства проводили самостоятельную политику, мало считаясь с установками ЕС и своих партнеров. Подтверждением данной ситуации служит появление различных проектов газопроводов, большинство из которых были инициированы за пределами ЕС.

Отсутствием успехов в энергетической политике Брюсселя воспользовались прикаспийские страны, которые включились в трубопроводную гонку. Ситуацию достаточно тонко уловили в Азербайджане и Турции, которые в 2012-2013 годах предложили свои проекты трубопроводов, способных создать дополнительные пути доставки углеводородного сырья на европейский рынок. В частности, этими странами был предложен проект Трансанаатолийского газопровода (The Trans-Anatolian gas pipeline (TANAP)), который должен обеспечить поставки азербайджанского газа до западных границ Турции. Данный проект, встретивший одобрение в ЕС, следует рассматривать в качестве успеха азербайджанской внешней политики, направленной на расширение маршрутов для объемов газа, которые предполагается добывать в рамках второй фазы ос-

воения месторождения «Шах-Дениз». Ожидается, что к 2019-2020 годам, времени ввода в строй газопровода, Азербайджан сможет добывать анонсируемые 16 млрд. м³ газа.

Азербайджано-турецкое энергетическое сотрудничество стало реакцией Баку и Анкары на энергетическую политику ЕС, который не сумел добиться согласованных решений и обеспечить последующую реализацию трубопроводного проекта. TANAP следует рассматривать в качестве локального трубопроводного проекта, который представляет интерес, в первую очередь, для Азербайджана и Турции. Баку в перспективе может получить новый маршрут экспорта для своего газа, а Анкара диверсифицирует источники получения углеводородного сырья, одновременно усилив свою роль в вопросах поставок газа в Европу.

В июне 2013 года консорциум по разработке азербайджанского газоконденсатного месторождения «Шах-Дениз» принял решение о выборе Трасадриатического газопровода (Trans Adriatic Pipeline, TAP) в качестве основного маршрута для поставки газа в Европу. Тем самым, завершился длительный этап обсуждения различных трубопроводных проектов по доставке каспийского газа в Европу. Этот трубопровод должен пройти через территорию Греции и Албании, через Адриатическое море в Италию. Проект активно обсуждался в 2012-2013 годах и идею его реализации поддержали норвежская Statoil, немецкая E.ON и швейцарская Axpo.

В случае реализации TAP газ сможет поступать в европейские страны лишь после 2019-2020 годов в объеме до 10 млрд. м³. Очевидно, что подобный объем углеводородного сырья практически не окажет влияния на соотношение сил на европейском газовом рынке, на котором могут появиться значительные объемы сжиженного природного и который будет находиться под воздействием сланцевого газа.

TAP, вызвав восторженные отклики в Европе, оставил без ответа ряд вопросов. Прежде всего, способность данного газопровода оказать влияние на геополитическую расстановку сил в регионе. В отличие от «Nabucco», который предполагал выход каспийского газа в страны, являющиеся основными потребителями газа, TAP должен обеспечить экспорт углеводородного сырья в Грецию и Италию. Эти страны потребляют незначительные объемы газа, что не позволяет говорить о выходе каспийского газа через TAP на европейский рынок. Следовательно, заявления о возможном расшире-

нии мощности ТАР из-за ограниченности емкости рынка, не имеет под собой оснований. Для поставок газа в другие европейские страны необходимо строительство новых соединительных газопроводов, что требует финансирования и времени.

Не менее активно ЕС продвигает проект Транскаспийского газопровода (ТКГ), рассчитывая обеспечить экспорт туркменского газа в европейском направлении. Активный переговорный процесс последних лет усилил политическую вовлеченность Туркменистана в орбиту энергетических интересов Брюсселя. Однако Транскаспий требует не столько финансовых ресурсов, сколько наличия свободных объемов газа, необходимых для заполнения газопровода. С учетом действующих трубопроводных мощностей по экспорту туркменского газа в Китай и Иран, Ашхабад не торопится участвовать в проекте, который грозит политическими осложнениями с ближайшими соседями и «холодно» воспринимается в Китае.

Российская политика на Каспии

После распада СССР Россия стремилась сохранить геополитический контроль над прикаспийскими государствами. Был взят курс на сохранение доминирующей роли в определении энергетической ситуации в регионе, в частности в добыче и транспортировке углеводородных ресурсов из новых прикаспийских стран. Тем более, что каспийская нефть вновь приобрела исключительно важное значение, став основой экономического развития для стран региона и для мирового рынка¹⁶.

Россия выступала за то, чтобы установленные Договорами режимы свободы судоходства и рыболовства (в последнем случае – за исключением 10-мильной прибрежной зоны), запрет на плавание судов под флагами некаспийских стран продолжали действовать. Российская сторона отстаивала сохранение принципа «общей воды», который она предлагала взять за основу при выработке нового правового статуса Каспия. Помимо этого, Россией был поставлен вопрос о сохранении биоресурсов Каспия, прежде всего, осетровых видов. Фактически прикаспийским странам предлагались условия, при которых они до заключения нового договора не могли осуществлять никакой деятельности на Каспии без согласования с Россией и Ираном.

К началу первого десятилетия XXI века России удалось решить проблему международно-правового статуса Каспия на трехсторонней основе (с Азербайджаном и Казахстаном), сохранить энергетическое сотрудничество в энергетической сфере,

добившись согласия прикаспийских страна на поставку части своих углеводородных ресурсов через Российскую территорию.

Значение Каспийского региона приобрело для России настолько острое звучание, что данная проблема нашла свое отражение в ряде ключевых документов. Так в «Концепции внешней политики России», принятой 12 июля 2008 года было отмечено, что «решение задач обеспечения безопасности государственной границы Российской Федерации достигается за счет создания высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, особенно на ... Каспийском направлении».

Основные усилия России сосредоточены на противодействии реализации проектов по прокладке трубопроводов по дну Каспия и освоению собственной ресурсной базы на Каспии. Также Россия продолжает поддерживать процесс в решении международно-правового статуса Каспийского моря, рассматривая Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря в качестве базового документа, регулирующего деятельность прикаспийских государств на Каспии. Кроме этого, стратегия российской политики в Каспийском регионе предусматривает недопущение на Каспий внерегиональных игроков, в первую очередь, США и страны ЕС¹⁷.

В последние годы Россия продвигает свои стратегические интересы в регионе через систему двусторонних отношений с прикаспийскими государствами, сосредоточив внимание на разрешении вопросов, связанных с освоением и транспортировкой углеводородных ресурсов. Подобная стратегия действий позволяет России сохранять свои позиции, оставаясь ключевым региональным государством.

Современная российская политика в Каспийском регионе прошла путь от фрагментарных шагов до создания полноценной обоснованной политики. Современная политика России направлена на активное участие в решении региональных проблем, к которым относятся вопросы определения международно-правового статуса Каспия, проблемы экологии и сохранения биоресурсов, нарастающая милитаризация¹⁸. Эта задача нашла свое отражение в концепции внешней политики Российской Федерации 2013 года. В ней говорится, что подходы России к всестороннему взаимодействию с партнерами в Каспийском регионе будут выстраиваться с учетом ... укрепления механизма сотрудничества пяти Прикаспийских государств на осно-

ве коллективно принимаемых ими решений¹⁹. Подобные цели были отражены в концепции внешней политики 2016 годов.

Политика Ирана в Каспийском регионе

На протяжении длительного времени политика Ирана на Каспии была сфокусирована на решение вопроса международно-правового статуса Каспия и на попытках усилить свое участие в транспортировке углеводородных ресурсов из прикаспийских государств. Так, с момента появления вопроса о распределении ресурсов Каспия и определения его нового правового статуса Иран, как и Россия выступал за совместное использование моря и его ресурсов²⁰.

В каспийской политике ключевой задачей Ирана выступало сохранение Каспийского моря под контролем прибрежных государств и недопущения появления там внерегиональных государств. Решением данной задачи в значительной мере определялись подходы Ирана к усилению собственных военно-морских сил на Каспии.

В отличие от новых прикаспийских государств, Иран, как и Россия, не в своем развитии не зависели от каспийских углеводородов. Основные ресурсы Ирана были сосредоточены в южной части страны, в то время как серая часть, выходящая на Юг Каспия практически не имеет месторождений нефти и газа и исследована достаточно слабо. Лишь в последние годы Иран проявил интерес к каспийским углеводородам. Открытие Ираном нефтегазовых месторождений на Каспии ознаменовало начало нового этапа в освоении энергетических ресурсов Каспийского региона²¹. Так, речь идет о перспективном, но не подтвержденном пока газовом месторождении «Сардар Джангал», запасы которого оцениваются в 1,4 трлн. м³ газа и 2 млрд. барр. нефти. Одновременно Тегеран рассматривает варианты расширения сотрудничества со странами Центральной Азии в вопросах экспорта их углеводородных ресурсов.

В последние годы стратегия Ирана в Каспийском регионе направлена на расширения своего участия в транспортировке углеводородных ресурсов прикаспийских стран, а также на усиление сотрудничества в энергетической сфере с Китаем, который с помощью Тегерана решает вопросы собственной энергетической безопасности.

Заключение

Предварительные оценки темпов добычи в странах Каспийского региона, реализации трубопроводных проектов и степени вовлеченности

внерегиональных государств позволяют говорить о том, что Каспийский регион вступил в новый этап своего геополитического развития. Геополитическая ситуация в Каспийском регионе характеризуется высокой степенью неопределенности, поскольку сложно оценить динамику роста добычи углеводородного сырья прикаспийскими странами. Тем не менее, ожидания появления дополнительных объемов нефти и газа предопределяют высокий накал геополитической борьбы за контроль над путями их транспортировки. В это соперничество будут вовлечены как страны региона, так и внерегиональные государства, для которых трубопроводы остаются эффективным инструментом влияния на геополитическую ситуацию.

Старт первому этапу геополитического соперничества был дан после распада СССР, когда Каспийский регион оказался в фокусе внимания многих стран мира и нефтегазовых компаний. Высокий накал соперничества в 90- годах прошлого века снизился в первом десятилетии века нынешнего, когда началась разработка месторождений нефти и газа, а также были построены новые трубопроводы для их экспорта. Этот период был пройден и в настоящее время Каспийский регион находится на пороге начала нового этапа геополитического соперничества, ход которого напрямую зависит от темпов промышленной разработки перспективных месторождений нефти и газа, которыми располагают прикаспийские государства.

В последующее десятилетие геополитическая ситуация в Каспийском регионе может претерпеть серьезные изменения. Речь идет о периоде, когда может начаться промышленная добыча углеводородных ресурсов в Казахстане, Туркменистане и Азербайджане. От успешности их освоения зависит наполнение уже построенных нефте- и газопроводов, а также реализация перспективных трубопроводных проектов, расширяющих географию и объемы экспортных потоков из стран Каспийского региона. Этот фактор во многом будет определять геополитическую ситуацию в Каспийском регионе, который в силу многих причин находится на переломном этапе, и окажет ключевое влияние на соперничество внерегиональных государств за доступ и контроль над экспортом углеводородных ресурсов.

ПОСИЛАННЯ:

¹ Подробнее понятие «Каспийский регион» рассматривается в книге: Зонн И.С., Жильцов С.С. «Новый Каспий. География, экономика, политика». – М., Восток-Запад, 2008. – 544 с.

² Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М.: Восток-Запад. 2011. – С. 52-63.

³ Тяньлэ Е. Роль Центральной Азии в энергетической стратегии Китая /Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая): сб. ст. /Под ред. К.А. Кокарева, Д.А. Александрова, И.Ю. Фроловой. Российский институт стратегических исследований; Китайская академия современных международных отношений. – М.: РИСИ. 2013. - С. 145.

⁴ Зонн И. С. Каспий: иллюзии и реальность. М., 1999. – 467 с.

⁵ Калужный В.И. выступление на конференции «Нефть и газ Каспийского и Черного морей». Стамбул (Турция), 2003. 27 мая. /Вестник Каспия. 2003. № 3. С. 7–12.

⁶ Зонн И. С. Указ. Соч.

⁷ Жильцов С. Каспийская энергетическая игра /НГ-Энергия. 2014. 14 января. – С. 11.

⁸ Жильцов С. С. Эпоха геополитических трубопроводов // НГ-Энергия. 2011. 13 апреля.

⁹ Тимофеев Л. Энергетическая политика Туркменистана в Прикаспийском регионе /Информационно-аналитический журнал «Analytic» (Казахстан). 2009. №5. С. 13-18.

¹⁰ Два из пяти государств Центральной Азии – Туркменистан и Казахстан являются прикаспийскими государствами. В последнее время, для обозначения общего региона, который включает прикаспийские страны и Центральную Азию, используют термин Каспийско-Центральноазиатский регион.

¹¹ Сяосин Д. Евразийский союз и ШОС / Регион Центральной Азии: состояние, проблемы и перспективы российско-китайского взаимодействия: сб. докл. под ред. Е.В. Супониной, Б.М. Волхонского. РИСИ. – М. 2013. - С. 18-19.

¹² Жильцов С.С. Центральная Азия на пересечении геополитических интересов: итоги и перспективы /Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии: материалы X Ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 6 июня 2012 г.). Отв. ред. Султанов Б.К. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте РК. 2012. – С. 29-36.

¹³ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. – М. Международные отношения. 2009. – 200 с.

¹⁴ Барак Хуссейн Обама II (англ. Barack Hussein Obama II) — с 20 января 2009 г. 44-й президент США. Родился в 1961 г. До избрания на должность президента – сенатор США от штата Иллинойс.

¹⁵ Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса: Материалы VII Ежегодной алмат. конф. Алматы, 2009. С. 33–35.

¹⁶ Старченков Г.И. Нефть Каспия и пути ее транспортировки /Мусульманские страны у границ СНГ. – М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2001. С. 298.

¹⁷ Центральная Азия и Каспийский регион: риски, вызовы, угрозы: коллективная монография /Под ред. Б.К. Султанова. – Алматы. Казахстанский институт стратегических исследований РК. 2012. – С. 89.

¹⁸ Жильцов С.С. Политика России в каспийском регионе: современный этап /Вестник РУДН Политология. 2013. №2. С. 71-92

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.

²⁰ Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы /Под общей редакцией К.Л. Сыроежкина: Монография. – Алматы: КИСИ при Президенте РК. 2011. – С. 412-413.

²¹ Тимофеев Л. Основные приоритеты стратегии Ирана в Каспийском регионе /информационно-аналитический журнал «Analytic» (Казахстан). 2012. №6. С. 32-42.

Zhiltsov S.S. Caspian Region in the Global Politics // Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

The geopolitical situation in the Caspian region has changed cardinaly and the main contributing factors here were determination on the multilateral basis of the international legal status of the Caspian Sea, growing militarization of the Caspian countries and environmental issues. However, the key factor governing the modern geopolitical situation in the Caspian region and its role in the global politics is hydrocarbon resources and, first of all, the issues related to their production in the Caspian countries and their transit routes to the foreign markets.

The hydrocarbon production and transit in the Caspian region have acquired global dimensions. The supply to the global energy market of additional volumes of the Caspian oil and gas heats up the geopolitical rivalry that will not abate in the near decades. And this is especially so, as the expectations of additional volumes of hydrocarbons are closely connected

with the further plans on implementation of pipeline projects. Accordingly, the geopolitical strategies of the new Caspian states for which the energy factor became dominating in development of their foreign policy and the policy of non-regional “players” on the Caspian should be revised.

Key words: Caspian region, Caspian Sea, global politics, Caspian states, hydrocarbon resources, international legal status.

Жильцов С.С. Каспійський регіон у світовій політиці / Дипломатична академія Міністерства закордонних справ Російської Федерації.

Геополітична ситуація в Каспійському регіоні зазнала кардинальних змін. Найбільший вплив на ситуацію в Каспійському регіоні постали питання, пов’язані з визначенням на багатосторонній основі міжнародно-правового статусу Каспійського моря, наростаюча мілітаризація, яку здійснюють прикаспійські країни, а також проблеми екології. Однак ключовий вплив на сучасну геополітичну ситуацію в Каспійському регіоні і його роль в світовій політиці надають вуглеводневі ресурси. Перш за все, питання, пов’язані з рівнем їх видобутку в прикаспійських країнах і шляхами транспортування на зовнішні ринки.

Видобуток і транспортування вуглеводневої сировини на Каспії набули глобального характеру. Поява на світовому енергетичному ринку додаткових обсягів каспійських нафти і газу зберігають високий накал геополітичного суперництва, яке продовжиться на каспійських просторах в найближчі десятиліття. Тим більше, що очікування додаткових обсягів вуглеводнів тісно пов’язане з подальшими планами щодо реалізації трубопровідних проектів. Відповідно, в переоцінці потребують геополітичні стратегії нових прикаспійських держав, для яких енергетичний чинник став домінуючим у формуванні зовнішньої політики, а також політика внерегіональних «гравців» на Каспії.

Ключові слова: Каспійський регіон, Каспійське море, світова політика, прикаспійські держави, вуглеводневі ресурси, міжнародно-правовий статус.

Стаття надійшла до редакції: 02.02.2017

Рекомендовано до друку: 27.02.2017